

ГРАЖДАНСКОЕ И ДИКОЕ: ЖАН-ЖАК РУССО И ГЕНРИ ДЭВИД ТОРО В КОНТЕКСТЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РАДИКАЛЬНОЙ КРИТИКИ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Жан Жак Руссо и Генри Дэвид Торо стали родоначальниками европейской и американской критики цивилизации, заложив основы контркультурной критики окружающего общества с его развитием знаний и техники, в первую очередь, по этическим соображениям. Одновременно с этим оба философа стали авторами социально-политических концепций, оказавших заметное влияние: концепция общественного договора и республиканские идеалы Руссо предвосхищали французскую революцию, а концепция гражданского неповиновения Торо была использована рядом общественных движений XX века и до сих пор сохраняет актуальность. Статья рассматривает двух мыслителей как радикальных критиков цивилизации в общем контексте кросс-культурного исследования критики цивилизации и нахождения инвариантного ядра, единой структуры философской критики цивилизации.

Ключевые слова: примитивизм, антицивилизационизм, радикальная критика цивилизации, Жан-Жак Руссо, Генри Дэвид Торо

I.V. Polsky

CIVIL AND WILD: Jean-Jacques Rousseau and Henry David Thoreau in the context of investigation of radical criticism of civilization

Jean Jacques Rousseau, and Henry David Thoreau became the ancestors of European and American criticism of civilization. They built the foundation for countercultural criticism of the surrounding society with its development of knowledge and technology, primarily for ethical reasons. At the same time both philosophers have created social and political concepts that have had a significant

impact: the concept of the social contract and republican ideals of Rousseau anticipated the French Revolution, and Thoreau's concept of civil disobedience was used alongside social movements of the XX century and still retains its relevance. The article examines the two thinkers as radical critics of civilization in the general context of cross-cultural study of criticism of civilization, of search for the invariant core, the common structure of philosophical criticism of civilization.

Keywords: primitivism, anticivilizationism, the radical criticism of civilization, Jean-Jacques Rousseau, Henry David Thoreau

Об авторе:

ф.и.о.: Польский Игорь Валерьевич

учёная степень: аспирант Русской Антропологической Школы (РГГУ)

место работы: Рахмановская общеобразовательная школа

должность: учитель

сфера научных интересов: антицивилизационизм, примитивизм, радикальная критика цивилизации

Контркультурные и антицивилизационные настроения американского писателя, философа и трансценденталиста Генри Дэвида Торо, жившего в XIX в. в Новой Англии, в штате Массачусетс, общеизвестны и описаны в его биографиях: "Торо жил в стране, которая как раз переживала бурный подъём ... Атмосфера была пропитана духом прогресса ... И лишь некоторые не разделяли этот почти осязаемый, заразивший всех оптимизм, и в первую очередь, конечно, то господствующее мнение, что технический прогресс несет с собой одни только блага. Торо стал радикальным выразителем этого скепсиса. Уже самые ранние его тексты пронизаны резким недовольством тенденциями общества, главным образом изменениями в уровне техники и стремительной динамикой развития экономики" [Клумпьян, Клумпьян 1999: 81]. Что касается Жан-Жака Руссо, то о его отношении к цивилизации, о концепции "счастливого дикаря" и приписываемом ему призыве "Назад к природе" можно узнать не только из его биографий и сочинений, но уже из школьных учебников. Поэтому, начиная эту статью, мы должны в первую очередь ответить на вопрос, что нового мы можем сказать по этой теме и по каким причинам обратились к жизни и творчеству Жан-Жака Руссо и Генри Дэвида Торо.

Приступив к исследованию идей наиболее известных и влиятельных критиков цивилизации, таких как киники и даосы, Руссо, Торо и Толстой, Ганди и другие, мы выдвинули следующее предположение: идеи радикальной критики цивилизации, несмотря на совершенно разный культурный контекст своего появления, основываются на общей базовой оппозиции искусственного и естественного, содержат сходные ключевые элементы и могут быть описаны при помощи единой структуры, некоторого инварианта, обрастающего, как скелет, различным культурным содержанием, но сохраняющего при этом удивительно схожее устройство от мыслителя к мыслителю и от эпохи к эпохе. Разумеется, мы должны сделать некоторое пояснение насчёт того, что называем *радикальной критикой цивилизации*. Если начать объяснение от противоположного, можно сказать, что критика цивилизации нередко носит, к примеру, религиозный характер, и что мы могли бы назвать примеры религиозной

критики цивилизации и в мировых религиях, и в новых религиозных движениях (таких как движение "Звенящие Кедры России"¹), не говоря о негативно настроенных по отношению к современной цивилизации узких течениях, таких как некоторые русские старообрядцы. Однако религиозная критика цивилизации не входит в круг нашего исследования, так как опирается на собственные религиозные и мифологические основания. Радикальной мы называем именно философскую критику цивилизации, исходящую из неё самой и не нуждающуюся в дополнительных основаниях и авторитетах: цивилизация здесь отрицается не как враг той или иной авторитетной доктрины, а как явление, порочное в своём корне, противоречащее естественному порядку вещей. Очевидно, что к радикальной критике цивилизации мы не можем отнести также частичную критику цивилизации, критику, направленную на её исцеление или исправление. Рассматриваемые нами мыслители и авторы не говорят о возможности исцеления цивилизации. Хотя Руссо и ратовал за республику, она отнюдь не понималась им как лекарство, исцеляющее цивилизацию: в сущности, Руссо считал, что падение уже произошло, что вернуться назад не представляется возможным (по крайней мере, сам Руссо не считал себя на это способным, на чём мы остановимся ниже), но что состояние гражданина республики является наиболее естественным состоянием из доступных в новом, уже извращённом цивилизацией² состоянии человечества.

Итак, в этой статье мы постараемся проанализировать и сравнить наследия Жана Жака Руссо и Генри Дэвида Торо как радикальных критиков цивилизации, на этих примерах показывая наличие общей структуры идей радикальной критики цивилизации, выделив общие базовые элементы и подкрепив их цитатами из трудов мыслителей. Попутно, так как и Жан-Жак Руссо, и Генри

---

1 Этому популярному на пост-советском пространстве новорелигиозному движению была посвящена статья в прошлом сборнике [Польский 2013]

2 Слово *цивилизация* не используется Руссо, так как ещё не вошло в оборот в его время, но, несомненно, соответствует объекту его критики, на что нам указывает Люсьен Февр: "Это относится даже к тем философам, которые, последовав за Руссо в его сферы, пытались с большей или меньшей убедительностью разрешить важную проблему, поставленную в 1750 году его дижонским "Рассуждением". Новое слово как будто подходило для того, чтобы поспорить о парадоксах Женевца. Оно позволило назвать по имени того врага, против которого — во имя первобытных добродетелей и священной девственности лесов — он восстал с таким неистовством, но ни разу так и не назвал своего врага по имени ..." [Февр 1991: 248]

Дэвид Торо являются и политическими мыслителями, мы будем обнаруживать взаимосвязи между их антицивилизационными установками и политическими идеалами, поскольку понять одно без другого не представляется нам возможным.

Без преувеличения можно сказать, что Жан-Жак Руссо признан родоначальником серьёзной критики цивилизации в новоевропейской истории. Не оспаривая это представление и причисляя Руссо к радикальным критикам цивилизации, отметим, что его отношение к цивилизации, в отличие от отношения киников или даосов, было далеко не однозначным. Действительно, в работах Руссо излагается тотальная критика цивилизации, цивилизованного образа жизни и большинства форм общественной жизни и государственного правления, излагается взгляд Руссо на "естественное состояние" человечества (известный как концепция "счастливого дикаря"); индейцы, скифы и другие "дикие народы" противопоставляются цивилизованному человеку, а суровая и простая Спарта – изнеженным и деградирующим Афинам. Однако, помимо критики цивилизации, Руссо преследует и другую, а, возможно, и главную свою цель: защиту и обоснование республиканских идей, республиканского строя вообще и родной для Руссо Женевы в частности³. Поэтому, излагая историю перехода человечества в состояние цивилизации и государства, в общем и целом, пагубную, Руссо делает исключение для республиканского строя и превозносит этот строй как единственно правильный и наиболее естественный для собственно общества, то есть состояния после заключения *общественного договора* между людьми (напомним, что "счастливый дикарь" [Руссо 1969] – существо необщественное, практически не нуждающееся в себе подобных). И в "Общественном договоре" в качестве позитивных примеров Руссо приводит уже не столько скифов и спартанцев, сколько римлян с их наиболее разработанным республиканским правом, духом и обычаями. Таким образом,

---

3 Как пишет Руссо в посвящении "Рассуждения ...", устройство Женевской республики "наиболее приближается к естественному закону". В этом же посвящении Руссо пишет: "Где прекращается власть законов и сила защитников их, там не может быть ни для кого ни безопасности, ни свободы" [Руссо 1969: 36]

Руссо рисует два совершенно различных образа свободы: естественная свобода "дикого человека", ничем не связанного с другими, и свобода гражданина республики, добровольно обменявшего свою естественную свободу на свободу гражданскую⁴. Свобода гражданина для Руссо – это свобода повиноваться воле большинства своих сограждан⁵ и свобода умереть, если нужно, за республику⁶. Если естественное состояние человечества, о котором пишет Руссо, является чисто гипотетическим⁷, то примеры Римской и Женевской республик вполне реальны и, возможно, гипотеза счастливого естественного состояния понадобилась Руссо не столько для фундаментальной критики цивилизации, сколько для обоснования республиканского строя как состояния нового равенства⁸. Ту же двойственность мы видим и в автобиографической "Исповеди" Руссо: с одной стороны, постоянное стремление к природе, прочь от общества с его несвободой и несправедливостью и, с другой стороны, непрекращающееся общение с аристократами, с людьми с именем и положением и, как следствие этого общения, непрекращающиеся интриги и забота об общественном мнении. Здесь мы также можем поставить вопрос: насколько уход Руссо от общества вызван искренним желанием освободиться от его пут, а насколько является позой, порождённой стремлением превратить свою жизнь в роман и преподнести этот роман общественности⁹ (что и было сделано через "Исповедь"). Не обладая компетенцией, чтобы однозначно

---

4 "По общественному договору человек теряет свою естественную свободу и неограниченное право на то, что его прельщает и чем он может завладеть; приобретает же он свободу гражданскую и право собственности на все то, чем обладает" [Руссо 1969: 314]

5 "Если одерживает верх мнение, противное моему, то сие доказывает, что я ошибался и что то, что я считал общею волею, ею не было. Если бы мое частное мнение возобладало, то я сделал бы не то, чего хотел, вот тогда я не был бы свободен" [Руссо 1969: 231]

6 "Сама их жизнь, которую они доверили Государству, постоянно им защищается, и если они рискуют ею во имя его защиты, то разве делают они этим что-либо иное, как не отдают ему то, что от него получили?" [Руссо 1969: 328]

7 Что в первую очередь признаёт сам Руссо: "нелегкое предприятие — выделить то, что врождённо и что искусственно в теперешней природе человека, и вполне познать состояние, которое более не существует, которое быть может никогда не существовало, которое, вероятно, не будет никогда существовать и о котором нужно все же иметь правильное представление, чтобы как следует судить о нынешнем нашем состоянии" [Руссо 1969: 41]

8 "Первоначальное соглашение не только не уничтожает естественное равенство людей, а, напротив, заменяет равенством как личностей и перед законом все то неравенство, которое внесла природа в их физическое естество; и хотя люди могут быть неравны по силе или способностям, они становятся все равными в результате соглашения и по праву" [Руссо 1969: 167]

9 Тем более этот вопрос правомерен, если мы вспомним, что образ жизни Руссо переменял одновременно с написанием своего "Рассуждения о науках и искусствах", где он впервые публично подверг цивилизацию критике

ответить на эти вопросы, мы только отметим, что, независимо от исходной мотивации и от того, что Руссо призывал скорее к установлению республик, а не к возвращению в состояние "счастливого дикаря"¹⁰, Жан-Жак Руссо действительно стал самым радикальным критиком цивилизации своего времени и создал богатую почву для дальнейшего развития антицивилизационных идей. Мы не можем сказать, насколько Руссо был знаком с кинической философией¹¹, но в его рассуждениях легко можно выделить основные базовые положения радикальной критики цивилизации, роднящие его критику цивилизации с антицивилизационизмом кинических философов, ранних даосов и других исследуемых нами радикальных критиков цивилизации. Эти положения будут названы и подкреплены цитатами из трудов Руссо здесь, а в следующей части статьи будут повторены уже в связи с философией Генри Дэвида Торо. Наше исследование ещё не закончено, и его результаты могут и должны ещё переосмысляться, но на сегодняшний день мы выделяем 7 таких ключевых черт или общих базовых положений идей радикальной критики цивилизации:

- 1) Критика роскоши, комфорта, связанного с материальными благами цивилизации, и прославление простой жизни: "Первый, кто изготовил себе одежду и построил себе жилище, доставил себе этим вещи мало необходимые, потому как до того времени он обходился без них, и мы не видим, почему бы он не мог, став взрослым, вести тот образ жизни,

---

10 В следующем многословном пассаже Руссо однозначно признаётся, что лично он радикальному отказу от цивилизации, в принципе, предпочитает, тем не менее, путь гражданина республики: "Так что же! нужно разрушить общество, уничтожить "твое" и "мое", вернуться в леса, жить там вместе с медведями? — такой вывод вполне в духе моих противников, но я предпочитаю их опередить и тем избавить от позора. О вы, до слуха которых не долетел голос неба и кто не видит для рода своего иного предназначения, как окончить в мире краткую земную жизнь, вы, которые можете оставить внутри городских стен ваши пагубные приобретения, беспокойный ваш ум, вашу развращенную душу и необузданные ваши желания, верните себе, ибо то в вашей власти, вашу былую, изначальную невинность, идите в леса, чтобы не видеть и не вспоминать о преступлениях ваших современников, и не бойтесь унижить ваш род, отказываясь от его познаний, чтобы отказаться от его пороков. Что же до людей, мне подобных, в которых страсти уничтожили навсегда первоначальную простоту, которые не могут больше ни питаться травами и желудями, ни обходиться без законов и без правителей [...], — то все они будут стараться, укрепляясь в добродетелях, заслужить вечную награду, которой следует им за это ожидать. Они будут уважать священные узы обществ, членами коих они являются; они будут любить себе подобных и будут служить им всеми своими силами; они будут неукоснительно подчиняться законам и людям, которые являются их творцами и их служителями ..." [Руссо 1969: 105]

11 Хотя в некоторых местах Руссо обращается к легендам и анекдотам о Диогене, он легко мог легко знать их и не читая античные тексты самих киников и приписываемые им. Несомненно, Руссо был знаком с философией Сократа, учителя первых киников, ставшего героем кинической традиции наряду с Гераклом и Диогеном

который он вел с самого своего детства" [Руссо 1969: 53]. Помимо своей ненужности, блага и удобства цивилизации признаются Руссо и вредными, и обременительными: "Это было первое ярмо, которое они надели на себя, сами того не подозревая, и первый источник тех бедствий, которые они уготовили своим потомкам. Ибо, кроме того, что люди продолжали таким образом изнеживаться и телом и духом, удобства эти потеряли, благодаря привычке к ним, почти всю свою прелесть и выродились в настоящие потребности: не столь приятно было обладать этими удобствами, сколь мучительно — их лишиться" [Руссо 1969: 76]. Напротив, людей, живущих наиболее простой и естественной жизнью, Руссо прославляет и идеализирует: "Привыкшие с детства к превратностям погоды, к зимней стуже и к летнему зною, приученные к тяготам и вынужденные нагими и безоружными защищать свою жизнь и добычу от других хищных зверей или спастись от них бегством, люди приобретают телосложение крепкое и почти не подверженное изменениям. Дети, появляясь на свет, наследуют превосходное телосложение своих отцов и укрепляют его посредством тех же упражнений, которые его создали; они приобретают, таким образом, всю силу, на которую человеческий род способен" [Руссо 1969: 48].

- 2) Критика экономической, хозяйственной деятельности людей и применения техники: "Когда, с одной стороны, смотришь на безмерные труды людей, на такое множество наук, ими разработанных, искусств, ими изобретенных, на такое множество сил, ими приложенных, засыпанных пропастей, скрытых гор, снесенных скал, рек, превращенных в судоходные, распаханых земель, вырытых озер, осушенных болот, огромных зданий, воздвигнутых на суше, на море, покрытое кораблями и матросами, и когда, с другой стороны, исследуешь, немного поразмыслив, какие подлинные блага принесло все это для счастья рода человеческого, то можно лишь поразиться удивительному несоответствию между первыми и вторыми итогами и пожалеть об ослеплении человека,

которое, дабы насытить его гордыню и не знаю уж какое тщеславное восхищение самим собой, заставляет его с жаром гоняться за тем, что может его сделать несчастным и что благодетельная природа позаботилась от него отвратить" [Руссо 1969: 100].

- 3) Представление о естественных, первичных потребностях людей: "Дикий человек, который, блуждая в лесах, не обладал трудолюбием, не знал речи, не имел жилища, не вел ни с кем войны и ни с кем не общался, не нуждался в себе подобных, как и не чувствовал никакого желания им вредить, даже, может быть, не знал никого из них в отдельности, был подвержен лишь немногим страстям, и, довольствуясь самим собою, обладал лишь теми чувствами и познаниями, которые соответствовали такому его состоянию, ощущал только действительные свои потребности" [Руссо 1969: 69]; "Все что нужно для удовлетворения его скромных потребностей, у него под рукой" [Руссо 1969: 56].
- 4) Превознесение естественного над искусственным, природы над цивилизацией: "Когда я вижу, как животные, которые рождены свободными и ненавидят неволю, разбивают голову о прутья своей тюрьмы, когда я вижу, как толпы совершенно нагих дикарей презирают наслаждения европейцев и не обращают внимания на голод, огонь, железо и смерть, чтобы сохранить свою независимость, я понимаю, что не рабам пристало рассуждать о свободе" [Руссо 1969: 87].
- 5) Фигура другого, естественного человека, противопоставляемого цивилизованному. Руссо уподобляется киникам, помещая свой идеал естественной жизни в прошлое, в своеобразный золотой век, в который уже нельзя вернуться: "Размышляя о нравах, нельзя не вспомнить с наслаждением картины простоты обычаев первобытных времен. Это — прекрасное побережье, украшенное руками одной только природы, к которому беспрестанно обращаются наши взоры и от которого отдаляешься столь неохотно" [Руссо 1969: 23]. Даже самые примитивные технические приспособления уводят естественного человека Руссо от

естественной силы и здоровья: "Имей он топор, разве могла бы рука его ломать столь крепкие ветви? Имей он пращу, разве мог бы он с такою меткостью бросать камни рукою? Будь у него лестница, разве мог бы он с такою легкостью взлезать на деревья? Будь у него лошадь, разве был бы он столь быстр в беге?" [Руссо 1969: 48].

- 6) Представление о разрушительном характере цивилизации: "Поглотив множество сокровищ и обездолив множество людей, мой герой кончит тем, что станет все истреблять, пока не останется единственным господином всего мира. Такова, в общих чертах, поучительная картина, если не жизни человеческой, то, по меньшей мере, тайных душевных устремлений всякого цивилизованного человека" [Руссо 1969: 101].
- 7) Критика существующего (цивилизованного) общества: "Огорченный нынешним твоим состоянием по причинам, которые сулят твоему несчастному потомству еще большие огорчения, ты, возможно, пожелаешь вернуться назад; и это чувство должно вылиться в похвальное слово первым предкам твоим, в критику современников твоих и внушить ужас тем, кто будет иметь несчастье жить после тебя" [Руссо 1969: 47].

Осознанно или неосознанно воспроизведя основные положения кинической критики цивилизации, Руссо стал родоначальником антицивилизационной мысли в новоевропейской истории, породившей последователей часто более радикальных, чем сам Руссо. Прежде чем перейти к сравнению его критики цивилизации с философией Генри Дэвида Торо, мы должны отметить новые идеи, которыми Руссо обогатил антицивилизационную мысль, отличающие его от тех же киников, - идеи, расположенные вокруг ключевой для Руссо темы - темы неравенства.

В "Рассуждении о происхождении неравенства ..." Руссо не просто рисует картину пагубного перехода людей из естественного состояния в цивилизованное, но основой этого перехода полагает появление своего главного врага - неравенства: "Первый, кто, огородив участок земли, придумал заявить:

«Это мое!» и нашел людей достаточно простодушных, чтобы тому поверить, был подлинным основателем гражданского общества. От скольких преступлений, войн, убийств, несчастий и ужасов уберег бы род человеческий тот, кто, выдернув колья или засыпав ров, крикнул бы себе подобным: «Остерегитесь слушать этого обманщика; вы погибли, если забудете, что плоды земли — для всех, а сама она — ничья!» [Руссо 1969: 72]. Руссо считает главным пагубным шагом, приведшим людей к современному прискорбному состоянию, не появление орудий труда и общежития, но появление зависимости одних людей от других: "До тех пор, пока люди довольствовались своими убогими хижинами, пока они ограничивались тем, что шили себе одежды из звериных шкур с помощью древесных шипов или рыбьих костей, украшали себя перьями и раковинами, расписывали свое тело в различные цвета, совершенствовались или украшали свои луки и стрелы, выдалбливали с помощью острых камней какие-нибудь рыбачьи лодки или грубые музыкальные инструменты, словом, пока они были заняты лишь таким трудом, который под силу одному человеку, и только такими промыслами, которые не требовали участия многих рук, они жили, свободные, здоровые, добрые и счастливые, насколько они могли быть такими по своей природе, и продолжали в отношениях между собою наслаждаться всеми радостями общения, не нарушавшими их независимость. Но с той минуты, как один человек стал нуждаться в помощи другого, как только люди заметили, что одному полезно иметь запас пищи на двоих, — исчезло равенство, появилась собственность, труд стал необходимостью, и обширные леса превратились в радующие глаз нивы, которые надо было орошать человеческим потом и на которых вскоре были посеяны и выросли вместе с урожаем рабство и нищета" [Руссо 1969: 78]. Нет нужды говорить, что детали, приводимые Руссо, не выдерживают антропологической критики, что совместный труд ("участие множества рук") можно обнаружить и у самых первобытных людей; но главное для Руссо - не антропологическая точность, а идея основания цивилизованного общества на неравенстве и, как следствие, объявление республиканского строя,

возвращающего людей к равенству, наиболее естественным общественным состоянием. И здесь смыкаются антицивилизационные и республиканские идеи Руссо: именно из неравенства рождаются все пороки и злодеяния, которыми он обличает современное общество: "За уничтожением равенства последовали ужаснейшие смуты: так несправедливые захваты богатых, разбои бедных и разнузданные страсти и тех и других, заглушая естественную сострадательность и еще слабый голос справедливости, сделали людей скупыми, честолюбивыми и злыми" [Руссо 1969: 82]. Именно неравенство уводит людей от естественности: "Мне достаточно было доказать, что не таково изначальное состояние человека и что один только дух общества и неравенство, им порождаемое, так изменяют и портят наши естественные наклонности" [Руссо 1969: 97]. У древних киников, живущих в рабовладельческом обществе, неравенство не могло стать ключевой мишенью для критики, хотя владение рабами и порицалось ими. Во времена Руссо равенство было объявлено ценностью и именно критика неравенства стала ключевым для него мотивом: "Что должны мы думать в этой связи о том виде неравенства, которое царит среди всех цивилизованных народов, ибо явно противоречит естественному закону, каким бы образом мы его не определяли, — чтобы дитя повелевало старцем, глупец руководил человеком мудрым и чтобы горстка людей утопала в излишествах, тогда как голодная масса лишена необходимого" [Руссо 1969: 98]. Этот мотив окажется очень значимым и для последователей Руссо, и его идеи о неравенстве разовьются и займут центральное место в общественно-политической философии Льва Николаевича Толстого, идеи которого, в свою очередь, будет развивать Ганди. Тема неравенства оказывается одной из центральных тем и для Генри Дэвида Торо — следующего мыслителя, критику цивилизации которого мы рассмотрим в этой статье.

Генри Дэвид Торо — автор, популярный до сих пор в современных гражданских и экологических движениях, сыграл огромную роль в становлении и распространении антицивилизационных идей в США и мире. Впрочем, Генри

Торо, как и Руссо, невозможно однозначно назвать примитивистом или антицивилизационистом¹² (так же, как сложно однозначно назвать натуралистом¹³ или пацифистом¹⁴). Сам Торо называл себя "мистиком, трансценденталистом и вдобавок к тому философом природы" [Торо 2001: 356], хотя и среди трансценденталистов его взгляды выделялись оригинальностью. Однозначному определению мировоззрения Торо мешает динамичность его взглядов, излагаемых обычно мозаично, а не систематически. В текстах Торо есть отрывки, где он, казалось бы, яростно критикует железную дорогу, пролегающую рядом с Уолденом¹⁵, но есть и место, где он говорит о паровозе исключительно восхищённо: "Когда мне встречается паровоз с вагонами, несущийся, как планета, точнее, как комета, потому что орбита его не похожа на замкнутую кривую ...; когда облако пара вьётся за ним золотыми и серебряными кольцами, напоминая мне многие виденные мной настоящие облака ..., точно этот стремительный полубог, этот тучегонитель готов увлечь за собой все закатное небо; когда я слышу, как Железный конь громовым фырканием будит эхо в холмах, сотрясает своей поступью землю и пышет из ноздрей огнем и дымом ... - мне кажется, что явилось, наконец, племя, достойное населять землю"¹⁶ - хотя тут же Торо продолжает в своём критическом стиле: - "Если бы все было так, как кажется, и покоренные силы природы служили человеку для

---

12 "Лишь по внешнему ходу событий противопоставление человека и общества, общества и природы носило у Торо абсолютный характер" [Торо 2001: 17]. У Торо нельзя найти прямых призывов к уничтожению цивилизации или к оставлению всякого имущества, так что его позицию можно назвать менее радикальной, чем позиция некоторых киников и даосов, но более радикальной (по крайней мере, более последовательной и практической), чем позицию Руссо

13 Именно на этом определении останавливается Никита Евгеньевич Покровский, добавляя при этом, что "невозможно ограничиться только им одним, требуется дополнительная конкретизация: натурализм "романтический", "с элементами естествознания", "символический", "трансцендентальный", "созерцательный". Этот перечень можно продолжать и далее, и ни одну из вышеперечисленных характеристик нельзя принять без существенных оговорок. Как всякое сложное явление, философия Торо с трудом подходит под ту или иную рубрику" [Покровский 1983: 99]

14 В какой-то момент Торо открыто оправдывает вооружённую борьбу повстанца Джона Брауна и превозносит его, о чём см. далее

15 "Не мы едем по железной дороге, а она - по нашим телам. Думали ли вы когда-нибудь о том, что за шпалы уложены на железнодорожных путях? Каждая шпала - это человек, ирландец или янки". [Торо 1962: 113]; "Чуть ли не каждую ночь меня будит пыхтение паровоза. Оно врывается в мои ночные грезы. Светлого отдохновения нет нигде" (Thoreau H. D. The Writings of Henry Favid Thoreau ("Walden Edition"), 20 vols. Boston-New York, 1965. vol. 4, p. 456. Цит. по [Покровский 1983: 99]

16 Мы можем видеть, что паровоз становится для Торо примечательным не столько как техническое произведение, сколько как сосредоточение природных сил: это комета, облако, полубог, конь - Торо здесь смотрит на паровоз не как на искусственное, а как на природное, он может восхищаться паровозом только когда смотрит на него не как американец XIX века, а как поэт и человек мифологического сознания

благородных целей" [Торо 1962: 127]. Как и Руссо, Торо часто называют парадоксальным и противоречивым¹⁷. Хотя мы ничего не можем сказать о влиянии философии Руссо на Генри Торо, и нельзя сказать, что Торо прямо продолжает традицию Жан-Жака Руссо, у этих "отцов контркультуры"¹⁸, как называют иногда их обоих, оказывается много общего. На фоне критического отношения к нравственно несовершенному обществу, оба автора находили свой идеал в природе, испытывали глубокий интерес и проявляли к ней эмоциональное или даже мистическое отношение. Интерес этот проявлялся в их жизни не только абстрактно, а и вполне конкретно: в желании уединения на природе¹⁹, в любви к длительным пешим прогулкам²⁰ и в увлечении ботаникой, занимавшем обоих, особенно во второй половине жизни, - так что можно сказать, что как Руссо, так и Торо старались постичь природу как интуитивно-романтически, так и естественно-научно. Сочетание глубокого интереса к природе с острой моральной и политической критикой общества является здесь вовсе не случайным совпадением, а отражает основную оппозицию, лежащую в основе взглядов Руссо и Торо²¹ (также как и других радикальных критиков цивилизации): оппозицию далёкого от нравственного совершенства общества и проявленного совершенного идеала гармоничной природы²². Не имея опоры в

---

17 "Торо состоит из противоречий — как в высказываниях, так и в собственном характере" [Клумпьян, Клумпьян 1999]

18 "Торо в определенном смысле стоял у истоков той традиции, которая ныне получила наименование контркультуры, или альтернативной культуры". [Покровский 1983: 175]

19 "Эмерсон обвинял Торо в том, что тот совершенно превратно толкует его понятие одиночества: если он и проповедовал стремление к одиночеству, то подразумевал под этим стремление к внутреннему дистанцированию от большого общества. Однако Торо в то время придерживался мысли, что одним теоретическим отмежеванием от морально ущербного общества, без практического удаления от него, невозможно сохранить собственную "чистоту" [Клумпьян, Клумпьян 1999: 116]

20 Как и Руссо, Торо видел в пеших прогулках источник истинного вдохновения: "Бесполезно садиться писать, если ты не имел мужества стоять на своем и жить! Мне думается, стоит ногам начать двигаться, как к голове начинают приливать мысли, будто дал волю потоку, устремившемуся к голове ... У нас хорошее кровообращение только тогда, когда мы в движении. Труды, написанные в результате сидячей жизни, представляют собой нечто механическое, безжизненное, и читать их скучно". [Клумпьян, Клумпьян 1999: 290]

21 Н.Е. Покровский пишет о том, что программа Торо в общем виде близка по своему пафосу к идеям Ж.Ж. Руссо, высказанным им в "Рассуждении о науках и искусствах" [Покровский 1983: 10-11]. Торо также испытал влияние трактата "Об уединении" Циммермана, которого Покровский причисляет к писателям-моралистам, близким Ларошфуко и отчасти Руссо [Покровский 1983: 99], а в принципах критики цивилизации близок Карлейлю, с творчеством которого, безусловно, был знаком [Покровский 1983: 59].

22 "Я люблю Природу отчасти потому, что она - противоположность человеку, убежище, где можно от него укрыться. Ни один из его институтов не проникает сюда и не имеет над ней силы. Здесь царит иное право. Среди природы я могу дышать полной грудью. Если бы мир был только царством человека, я не смог бы распрямиться во весь рост и потерял бы всякую надежду. Мир человека для меня - оковы; мир природы - свобода". [Клумпьян, Клумпьян 1999: 311]

"природном", мыслители не могли бы критиковать "общественное". Критика общества и восхваление природы оказываются тесно связанными между собой и не могут рассматриваться отдельно: "Я люблю природу отчасти *потому*, что она - противоположность человеку, убежище, где можно от него укрыться" [Торо 2001: 355]. Как и Руссо, Торо критиковал цивилизацию главным образом по этическим соображениям, не считая, что развитие науки и производственных сил способно сделать людей более нравственными или привести людей к счастью²³. Не получив такого же подробного, как у Руссо, философского осмысления, фигура "дикаря" всё же имела для мировоззрения Торо первостепенное значение²⁴. У Руссо более гипотетическая, известная по этнографическим описаниям и собственным фантазиям, для Торо она была воплощена в конкретной культуре индейцев, о которых он много знал²⁵ и традиционная жизнь которых служила ещё одним поводом критически посмотреть на жизнь цивилизованную²⁶. Как и Руссо, Торо выделяет два типа свободы: свободу природную ("абсолютную"), и свободу гражданскую, но, в отличие от Руссо, проповедовавшего идеал гражданской свободы республиканца, для Торо на первом месте стоит свобода природная²⁷, как бы возвращённая человеку, удаляющегося от "мира человека" в "мир природы".

---

23 Так, критикуя модернистскую утопию Этцлера "Рай для всех людей, где никто не работает, достигнутый при помощи сил природы и машин", Торо обращает свое внимание на следующий "серьезный момент: способно ли осуществление подобной технической утопии сделать людей счастливыми" [Клумпьян, Клумпьян 1999: 311]

24 "Дикость дикаря — всего лишь символ той величественной естественности, которая проявляется при встрече людей добрых или любовников" [Клумпьян, Клумпьян 1999: 383]

25 Вот как описывал отношение Торо к истории индейцев один из его современников: "Он глубоко читит историю индейских племен, чья дикая жизнь столь близка ему; и, удивительно, он редко проходит через вспаханное поле без того, чтобы не найти наконец копья, стрелы или какую-либо другую реликвию краснокожих" (Krutch J. W. Henry David Thoreau. New York, 1967. pp 42-43. Цит. по [Покровский 1983: 31-32])

26 Так, после описания устройства индейских вигвамов Торо подытоживает: "У дикарей каждая семья имеет кров, не хуже, чем у других, удовлетворяющий простейшим потребностям. У птиц есть гнезда, у лисиц - норы, у дикарей - вигвамы, а современное цивилизованное общество, скажу не преувеличивая, обеспечивает кровом не более половины семей. В крупных городах, где цивилизация победила окончательно, число имеющих кров составляет очень малую долю. Остальные ежегодно платят за эту внешнюю оболочку ... дикарь имеет собственное жилище потому, что это дешево, а цивилизованный человек снимает квартиру обычно потому, что не может позволить себе собственной, да и наемная в конце концов оказывается ему не по карману". [Торо 2001: 75]

27 "Мне бы хотелось сказать несколько слов в защиту нетронутой Природы и абсолютной свободы, которые столь отличны от природы, освоенной человеком, и от свободы гражданского состояния. Я бы хотел взглянуть на человека как на обитателя Природы и ее неотъемлемую часть, а не как на члена общества. Мне бы хотелось сделать чрезвычайное сообщение, с тем чтобы привлечь к нему внимание, - ведь у цивилизованной жизни так много защитников: проповедники, члены школьных комитетов да и любой из вас" [Клумпьян, Клумпьян 1999: 354]

Можно упомянуть также, что оба философа увлекались латынью и древнеримскими авторами, оба занимали в своё время определённо маргинальное положение "чудаков" (что принесло Руссо славу, а Торо — безвестность), уделяли огромное внимание вопросу неравенства²⁸ (хотя Руссо критиковал неравенство более фундаментально, как республиканец, а Торо, в основном, занимался более узкой и актуальной проблемой рабства в США²⁹), касались темы воспитания и образования (Руссо скорее в теории, а Торо — на практике³⁰, как и Л.Н. Толстой).

Есть, конечно, и немало черт, отличающих мировоззрение Торо как совершенно оригинального мыслителя. Влияние на Торо, помимо Эмерсона и современников, европейских и античных сочинений, также оказали древнеиндийские и древнекитайские тексты: "Бхагават Гита", сочинения Конфуция и др. Местами высказывания Торо напоминают философию даосов: "Мы слышали об Обществе по распространению полезных знаний. Говорят, знание — сила, и прочее в том же духе. А мне кажется, есть необходимость создать Общество по распространению полезного невежества ..." [Клумпьян, Клумпьян 1999: 387], "Лучшее правительство то, которое не правит вовсе" [Торо 2001: 260]. В отличие от Руссо, политические рассуждения Торо сосредоточены главным образом не на том, как устроить общество, а на том, как в текущих реалиях должна вести себя личность, как нравственный человек может (и должен) проявить гражданскую позицию в безнравственной политической и общественной системе³¹. Мысли Торо на общественно-политические темы могут быть раскритикованы как "индивидуалистические"³²,

---

28 В "Уолдене" Торо писал: "Роскошь одного класса уравнивается нищетой другого. С одной стороны, дворец, с другой - приют для нищих и "тайные бедняки" [Торо 2001: 77]

29 Покровский пишет, что было бы неосторожно проводить прямую параллель в вопросе неравенства между Торо и Ж.Ж. Руссо, "однако очевидно, что Торо испытал заметное влияние идей эгалитаризма, оказавшегося влиятельным направлением мысли в США (достаточно вспомнить Томаса Джефферсона)" [Покровский 1983: 136].

30 Торо какое-то время работал в публичной школе, но был вынужден уйти оттуда из-за своего отказа применять телесные наказания, вслед за чем открыл частную школу, которая стала успешным, хотя и не длительным экспериментом [Клумпьян, Клумпьян 1999: 24-26]

31 Именно на этот вопрос Торо отвечает в своём знаменитом эссе "О долге гражданского неповиновения", где, в частности, призывает не платить налоги государству до тех пор, пока оно поддерживает рабовладение и затевает преступные войны, чтобы не поддерживать их своими деньгами.

32 Говоря об "индивидуализме" философии Торо с советских марксистских позиций, Н.Е. Покровский критически подытоживает: "Индивидуализм оказывается эффективной, но малоэффективной и недолговременной

но именно они стали играть заметную роль в движениях, добивавшихся равенства в XX веке, таких как движение Ганди в Индии³³, движение Мартина Лютера Кинга и другие общественные движения в США³⁴. Переходя к связи политических и антицивилизационных идей Генри Дэвида Торо, отметим, что избранная им тактика личного практического ответа на глобальные общие вопросы была применена им и в отношении к цивилизации. Если "отшельничество" Руссо никак нельзя назвать шагом подлинного освобождения от общественных пут к независимости и самодостаточности, то уолденский эксперимент Торо³⁵ был предпринят как раз с целью показать, что личная независимость от общества возможна и даже в какой-то мере выгодна: главу "Хозяйство" Торо снабжает подробными расчётами, демонстрирующими, как мало средств ему потребовалось для самостоятельного строительства своей хижины и для удовлетворения прочих "жизненных потребностей", к которым Торо, имея в виду климат, причисляет потребности в пище, одежде, тепле и укрытии. Экономика упрощения, к которому призывал Торо, раскрывается в одном из мест "Уолдена", где Торо сравнивает себя с бедным работягой-ирландцем: "Я не употребляю ни чаю, ни кофе, ни масла, ни молока, ни свежего мяса, и поэтому мне не надо на все это зарабатывать; или, иначе говоря, я работаю меньше, поэтому мне не требуется много еды, и я расходую на нее сущие пустяки; а он, непременно желая иметь и чай, и кофе, и масло, и молоко, и говядину, вынужден зарабатывать их тяжким трудом, а после такой работы

формой защитной реакции на экономическое и социально-идеологическое давление" [Покровский 1983: 163].

33 "В 1906-1907 гг., когда М. Ганди возглавил борьбу за гражданские права индийских иммигрантов в Южной Африке, он впервые услышал о "Долге гражданского неповиновения" Торо. Впоследствии Ганди так вспоминал о прочитанном в тюрьме эссе американского философа: "Идеи Торо оказали на меня огромное влияние. Я активно воспринял часть из них и рекомендовал всем моим друзьям, помогавшим мне в деле освобождения Индии, изучить Торо. Вот почему я действительно взял из "Долга гражданского повиновения" название возглавляемого мною движения... До тех пор пока я не прочитал это эссе, я никак не мог найти подходящего слова для индийского satyagraha... Нет сомнения, что идеи Торо в огромной степени повлияли на освободительное движение в Индии" (Encyclopedia of philosophy, 8 vols. New York-London, 1967. pp. 238-239. Цит. по [Покровский 1983: 172])

34 В Америке XX века философия Торо играла важную роль в среде оппозиционных движений. Как пишет Покровский, ""Новые левые" обратились к наследию американской культуры XIX в. поисках своих теоретических предшественников. И вот личность Торо, его книги, его социально-философское и политическое учение обретают "вторую жизнь", Торо провозглашается чуть ли не символом оппозиционно настроенной молодежи США". [Покровский 1983: 176]

35 "В День независимости, 4 июля 1845 г., Торо поселяется в хижине на берегу Уолденского озера, стремясь на практике осуществить принципы упрощения жизни и продемонстрировать личную независимость от экономической системы чуждого ему общественного уклада" [Покровский 1983: 35]. Описанию этого эксперимента посвящена знаменитая книга Торо "Уолден, или жизнь в лесу"

снова должен как следует наесться, чтобы возмещать затраченные силы; так что он ничего не выигрывает, даже наоборот, потому что он при этом недоволен и губит свою жизнь" [Торо 1962: 181]. В "Уолдене", как и в эссе "О долге гражданского неповиновения", Торо стремится личным примером проиллюстрировать, как можно практически воплотить свои идеалы: если правительство негодно, поддерживает рабство и затевает несправедливую войну, можно отказаться поддерживать его путём неуплаты налогов; если цивилизованное общество является порочным, можно уйти из него³⁶ и самостоятельно обеспечивать себя жильём, бобами и патокой³⁷. Эти идеи личной ответственности и выбора были развиты поздним Толстым³⁸, который своим примером старался проиллюстрировать, что единственный способ жить не за счёт других и не участвовать во зле, творимом цивилизованным обществом, - это самостоятельно возделывать хлеб и чинить башмаки, а также Ганди, выступившим против машинных мануфактур, предлагая, подобно луддитам, заменить мануфактуры традиционной ручной прялкой, так что ручная прялка стала вечной спутницей Ганди и является символом его движения (размещаясь и на государственном флаге Индии). Однако, известная линия Торо-Толстой-Ганди-Кинг, ассоциирующаяся с идеями ненасильственного гражданского сопротивления и непротивления злу

---

36 Как пишут Х.Д. и Х. Клумпьян, характеризуя позицию Торо, "Только внутренним и внешним выходом из этой системы посредством возврата к докапиталистическому хозяйствованию способен человек обеспечить себе дальнейшее духовное и нравственное развитие" [Клумпьян, Клумпьян 1999: 116]

37 Хотя, конечно, независимость и самодостаточно Торо в большой степени условна, и может восприниматься как поза или даже мифотворчество, подобно "отшельничеству" Руссо. Братья Клумпьян отмечают: "Показательно, что Торо начал свой опыт обособленной от цивилизации жизни с того, что одолжил у знакомых топор. Фактически, своим любительским ведением хозяйства он никогда не смог бы по-настоящему обеспечить себя" [Клумпьян, Клумпьян 1999: 118]. В тот знаменитый день, когда Торо посадили в тюрьму (лишь на одну ночь) за неуплату налогов, он пришёл в город из своей уолденской хижины чтобы "взять башмак из починки" [Торо 2001: 161]. Само отношение Торо к использованию достижений цивилизации имеет компромиссный характер. Так, касательно строительства жилища, Торо пишет: "Хотя мы не настолько еще выродились, чтобы не могли и сейчас жить в пещере или вигваме и одеваться в шкуры, лучше, разумеется, использовать преимущества - правда, купленные столь дорогой ценой, - которые предоставляют нам труд и изобретательный ум человечества" [Торо 2001: 81]

38 Об идейной связи Толстого и Торо см., к примеру, [Гудзий 1966]. Как описывает эту связь Покровский, "На творчество Торо обратил внимание Лев Николаевич Толстой. Со свойственной для него пытливостью русский писатель и философ постоянно знакомился с новейшими достижениями западной культуры. В начале 90-х годов XIX в. он прочитал эссе Торо "О долге гражданского неповиновения" и указал В. Г. Черткову на необходимость перевода этого произведения на русский язык, что и было сделано. Интерес Л. Н. Толстого к произведениям Торо со временем стал более глубоким. В лице американского мыслителя Лев Толстой увидел своего философского единомышленника. Об этом говорят и частые упоминания Торо в переписке Толстого, и многочисленные цитаты из его произведений, включенные Толстым в сборники афоризмов великих людей "Круг чтения", "Путь жизни", "На каждый день" [Покровский 1983: 169]

насилием, является популярной, но вовсе не единственной линией, родоначальником которой стал Торо. Сам Торо в определённый момент перестал быть сторонником именно "мирной революции" [Торо 2001: 268] и в какой-то мере признал, что цель оправдывает средства. "В 1857 г. он встретился с капитаном Джоном Брауном (1800-1859) - одним из лидеров аболиционистского движения" [Покровский 1983: 42]. "Тексты Торо о Джоне Брауне свидетельствуют прежде всего о новом отношении автора к насилию. Браун видел в насилии единственный путь к уничтожению рабства. С этим начал соглашаться и Торо. Он отказался от своего прежнего предубеждения против использования «нечистых» средств: «Вопрос не в том, применять оружие или нет, вопрос в тех мотивах, которые вынудили тебя к этому»" [Клумпьян, Клумпьян 1999: 171]. Если принять во внимание эту перемену позиции, оправдание насилия во имя благой цели, вовсе не кажется странным, что один из последователей Торо, радикальный критик индустриального общества Теодор Качинский, прибёг к терроризму с целью повлиять на общество. Однако, чтобы не отступать далеко от основной темы, предлагаем вновь перечислить основные выделенные нами общие черты идей радикальной критики цивилизации, подкрепив их цитатами из произведений и дневников Торо, и сравнить их, таким образом, с основными антицивилизационными положениями Жан-Жака Руссо:

- 1) Критика роскоши, комфорта, связанного с материальными благами цивилизации, и прославление простой жизни: "Есть вещи, которые составляют предмет первой необходимости только в некоторых кругах, самых беспомощных и испорченных, в других они являются лишь предметами роскоши, а третьим и вовсе неизвестны" [Торо 2001: 62]. "Большая часть роскоши и многое из так называемого комфорта не только не нужны, но положительно мешают прогрессу человечества. Что касается роскоши и комфорта, то мудрецы всегда жили проще и скуднее, чем бедняки. Никто не был так беден земными благами и так богат духовно, как древние философы Китая, Индии, Персии и Греции ... То же

можно сказать и о реформаторах и благодетелях человечества, живших в более поздние времена. Нельзя быть беспристрастным и мудрым наблюдателем человеческой жизни иначе, как с позиций, которые мы назвали бы добровольной бедностью" [Торо 2001:: 65]. Генри Торо во многом заложил основы контркультурной критики общества потребления XX века, давшие всходы по прошествии века после смерти Торо: "Неужели мы должны вечно стремиться добыть побольше всех этих вещей, а не стараться иногда довольствоваться меньшим" [Торо 2001: 78]. Подобно Руссо, Торо стремился не только прославлять, но и в какой-то мере показывать пример подобной простоты собственной жизнью: "Я хотел жить глубоко, впитывать весь сок жизни; жить так здорово и по-спартански, чтобы обратиться в бегство все, что не является жизнью" [Клумпьян, Клумпьян 1999: 134]. "Я верю в неизменную истину: чем я беднее, тем богаче. Я вижу свое счастье в том, за что вы готовы меня жалеть. Вы находите удовольствие в том, чтобы овладевать разнообразными знаниями и культурой, я же с радостью думаю, что мне удастся от них избавляться" [Клумпьян, Клумпьян 1999: 327]. "Мы могли бы сократить заботы о себе хотя бы на столько, сколько мы их уделяем другим. Природа приспособлена к нашей слабости не менее, чем к нашей силе". [Торо 2001: 63] "Я уверен, что если бы все жили так просто, как я жил тогда, кражи и грабежи были бы неизвестны" [Торо 2001: 174]. Высказывания Торо о бедности также заставляют вспомнить киников, живущих подаяниями: "Бедняки живут независимей всех. Быть может, дух их достаточно высок, чтобы не стыдиться принимать даяния ..." [Торо 2001: 254]

- 2) Критика экономической, хозяйственной деятельности людей и применения техники: "Мне глубоко ненавистен образ жизни некоторых людей и то, как теперь добывают средства к существованию. Работы на ферме, торговля, занятие ремеслом или профессиональная деятельность - все это претит мне. Я бы предпочел добывать средства к существованию

самым простым и примитивным способом. Та жизнь, которой общество предлагает мне жить, настолько искусственна и сложна, поставлена на столько слабых опор, что грозит в конце концов рухнуть" [Торо 2001: 292]. "Пути, которыми можно заработать на жизнь, почти все без исключения ведут вниз" [Торо 2001: 359]. "Судьба, называемая обычно необходимостью, вынуждает их всю жизнь копить сокровища, которые, как сказано в одной старой книге, моль и ржа истребляют и воры подкапывают и крадут. Это - жизнь дураков, и они это обнаруживают в конце пути, а иной раз и раньше" [Торо 2001]. "Людям не хватает веры и мужества - вот они и стали такими: покупают, продают и проводят всю жизнь в рабстве" [Торо 1962: 183]. "Я вижу моих молодых земляков, имевших несчастье унаследовать ферму, дом, амбар, скот и сельскохозяйственный инвентарь, ибо это легче приобрести, чем сбыть с рук. Лучше бы они родились в открытом поле и были вскормлены волчицей... Кто сделал их рабами земли..? Зачем им рыть себе могилы, едва успев родиться..?" [Торо 1962: 7-8]

- 3) Представление о естественных, первичных потребностях людей: "Под жизненными потребностями я разумею то из добываемого человеком, что всегда было или давно стало важным для жизни, что почти никто не пытается без этого обойтись, будь то по невежеству, или по бедности, или из философского принципа ... Для человека в нашем климате первичные потребности включают пищу, кров, одежду и топливо" [Торо 2001: 64].
- 4) Превознесение естественного над искусственным, природы над цивилизацией: "Дикая природа, перед которой бледнеет любое цивилизованное общество" [Торо 2001: 258]. Здесь нужно сказать, что Торо не только превозносил дикую, природную жизнь над искусственной, цивилизованной, но и объявил о зависимости цивилизованного мира от дикой природы, став "провозвестником движения в защиту окружающей среды"³⁹ [Клумпьян, Клумпьян 1999: 49]: "А теперь я подошел к своей

---

³⁹ Торо действительно стал своеобразным предтечей экологических движений, завоевав в XX веке популярность гораздо большую, чем в XIX. Как пишет Покровский, "Выводы, вытекающие из философско-

главной мысли: сохранение нашего мира зависит от того, сохраним ли мы дикую природу" [Клумпьян, Клумпьян 1999: 373]. "Надежда и будущее ассоциируются для меня не с обработанными полями и лужайками, не с городами, а с непроходимыми топями и болотами" [Клумпьян, Клумпьян 1999: 375]. Как сообщают братья Клумпьян, "Торо требовал введения штрафных санкций против тех, кто губит природное окружение, и, помимо прочего, выступил автором проекта организации на территории каждого американского штата природного заповедника" [Клумпьян, Клумпьян 1999]. Как для трансценденталиста, дикое, естественное, природное для Торо имело важнейшие символическое, этическое и духовное измерения⁴⁰: "Всё то добро, что истинно *природно*" [Клумпьян, Клумпьян 1999: 375]. Торо можно назвать поэтом дикости, влияние которого ощущается до сих пор (см. например, популярный фильм "Into the Wild" с многочисленными отсылками к Торо).

- 5) Фигура другого, естественного человека, противопоставляемого цивилизованному: "Самая простота и обнаженность жизни первобытного человека имела, по крайней мере, то преимущество, что он был только гостем природы. Подкрепившись пищей и сном, он был готов продолжать странствие. Он жил в легком шатре то шагал по долине, то пересекал равнину, то взбирался на вершины гор. А сейчас - увы! - люди стали орудиями своих орудий" [Торо 2001: 79]. "Недаром основные занятия первобытных народов превратились в развлечения цивилизованных. Человеку вовсе не обязательно добывать свой хлеб в поте лица" [Торо 2001: 100]. Помимо общего для Торо и Руссо обращению к идеалу первобытных людей, Торо также сравнивает своих сограждан с живущими рядом индейцами: "Прелесть индейца для меня состоит в том,

---

натуралистических взглядов Торо, несмотря на свою трансцендентально-идеалистическую суть, содержат зародыши идей, ставших популярными в XX в. Фактически Торо поднял и сформулировал сложнейшую проблему нравственного взаимодействия человека и природы". [Покровский 1983: 126]

⁴⁰ В этом Торо является последовательным трансценденталистом. Как пишет ближайший друг и во многом учитель Торо Ральф Уолдо Эмерсон, "Отдельные естественные факты суть символы отдельных духовных фактов... Природа есть символ духа" (Эмерсон Р.У, Сочинения, т. 1. Трактаты о природе и опыты. СПб., 1902, с. 27. Цит. по [Покровский 1983])

что в Природе он чувствует себя свободно и естественно; он ее обитатель, а не гость, и носит ее легко и с изяществом. У человека цивилизованного - привычки людей, живущих в домах. Его дом - тюрьма, которая не дает убежища и защиты, но стесняет и подавляет его" [Торо 2001: 249].

- 6) Представление о разрушительном характере цивилизации: "В наше время почти все так называемые улучшения — строительство домов, порубки лесов и уничтожение всех больших деревьев — уродуют пейзаж, делают его все менее диким и таинственным. Есть ли такой народ, который, принявшись жечь изгороди, не уничтожил бы и леса?" [Клумпьян, Клумпьян 1999: 361] "Себялюбие, стяжательство и гнусная привычка, от которой никто из нас не свободен, - считать землю прежде всего собственностью или средством накопления - уродуют наши пейзажи, унижают земледельческий труд и обрекают фермера на жалкое прозябание. К природе он относится, как грабитель" [Торо 1962: 158]. "Жители посёлка, которые едва ли знают к пруду дорогу, вместо того, чтобы купаться в нем или пить из него, поговаривают, как бы эту воду, которая должна быть для них священна не меньше Ганга, провести себе в трубах, чтобы мыть в ней посуду! Стоит повернуть кран или вынуть втулку, и вот тебе Уолден! Дьявольский Стальной Конь, которые оглушительно ржет на весь город и замутил копытами Кипящий Ключ, - вот кто съел все леса на берегу ..." [Торо 1962: 174]
- 7) Критика существующего (цивилизованного) общества: "Куда бы ни направился человек, люди гонятся за ним и стараются навязать ему свои гнусные порядки и принудить его вступить в их мрачное и нелепое сообщество" [Торо 1962: 161]. "Ну а если свободный человек, со здоровыми легкими вздохнет полной грудью, то ваши прогнившие институты рухнут в результате образовавшегося вакуума. Ваша церковь похожа на игрушечный домик из кубиков, да и государство тоже" [Клумпьян, Клумпьян 1999: 343]. "Большинство людей ведет безнадежное существование. То, что зовется смирением, на самом деле есть

убежденное отчаяние. Из города, полного отчаяния, вы попадаете в полную отчаяния деревню" [Торо 2001: 61]. "Стоит взглянуть непредубежденным взглядом на молитвенный дом, или суд, или тюрьму, или лавку, или жилище и сказать, чем каждое является на деле, и ваше определение тотчас превратит их в ничто" [Торо 1962: 115].

Вместо заключения в конце этой статьи хотелось бы подчеркнуть, что предлагаемая гипотеза о наличии единого структурного ядра у различных радикальных критиков цивилизации и конкретные элементы, предлагаемые в качестве составляющих единиц этой структуры, не являются ещё готовыми моделями, но находятся в стадии разработки и осмысления. Автор статьи будет благодарен за критику или советы относительно предлагаемых в этой статье общих идей, а также конкретных биографических и исторических деталей и подробностей.

Литература:

Гудзий Н.К. Лев Толстой и Торо // Русско-европейские литературные связи. М.; Л., 1966. С. 63–68

Клумпьян Х.-Д. Клумпьян Х. Генри Дэвид Торо: Пер. С нем. А.Берниковой. — Челябинск, Издательство "Урал LTD", 1999. — 396 с.

Покровский Н.Е. Генри Торо - М.: Мысль, 1983. - 188 с.

Польский И.В. От "дачников" к "поселенцам": опыты сообщества в движении "Анастасия" / "Звенящие кедры России" // Труды "Русской антропологической школы". М.: РГГУ, 2013. Вып. 12. 375 с.

Руссо Ж.Ж. Трактаты - М.: Наука, 1969 г. – 703 с.

Торо Г. Д. Высшие законы: Пер. с англ./Общ. ред., предисл., сост. Н. Е. Покровского. — М.: Республика, 2001. — 412 с.

Торо, Г.Д. Уолден или жизнь в лесу / Пер. с англ. З.Е. Александровой. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 241 с.

Февр Л. Цивилизация: Эволюция слова и группы идей // Л. Бои за историю. Пер. с франц. М., 1991. С. 241—270